

Есть ли у умного шансы стать богатым?

О становлении рынка интеллектуальной собственности

Интервью директора Республиканского НИИ интеллектуальной собственности, доктора юридических наук В.Н.Лопатина.

Доля инновационной продукции России в общем объеме продаж промышленной продукции чрезвычайно мала – не превышает 5%. Почему? Опыт перехода к инновационной экономике в США, Западной Европе, Японии и Китае показывает, что базовым условием этого перехода является формирование рынка интеллектуальной собственности. А как этот рынок формируется в нашей стране? С этим вопросом редакция обратилась к директору Республиканского НИИ интеллектуальной собственности, председателю Правления корпорации интеллектуальной собственности РНИИС, председателю национального технического комитета «Интеллектуальная собственность» (ТК-481), доктору юридических наук, профессору В.Н. Лопатину.

– Владимир Николаевич, есть ли в России потенциал рынка интеллектуальной собственности и в какой степени он реализуется?

– По числу ученых Россия занимает одно из первых мест в мире, ежегодно их отряд пополняют около 30 тысяч докторов и кандидатов наук – и в этом смысле потенциал рынка интеллектуальной собственности огромен. Однако при этом доля нашей наукоемкой продукции в продаже в мировой торговле составляет 0,3 %, т.е. мы занимаем одно из последних мест. Как объяснить это несоответствие? Просто! Результаты научно-технической деятельности и права на них в основной своей массе не доводятся до стадии коммерциализации, т.е. до реализации на внутреннем и внешнем рынках.

Для сопоставления: в Китае результаты научных разработок, наоборот, быстро находят потребителя, и это происходит потому, что «правила игры» с интеллектуальной собственностью здесь прописаны с учетом интересов каждого участника. В результате: только один муниципальный китайский город имеет порядка 25 тысяч патентов, т.е. примерно столько, сколько в год патентует вся Россия.

У нас же права закреплены лишь на десятую часть полученных результатов, остальное непонятно кому принадлежит, отправляется на полки, лежит мертвым грузом вне государственных и корпоративных интересов. Освоение денег,

выделяемых на науку (я имею в виду, в первую очередь – прикладную науку), идет, а конечного продукта нет.

Права на охраняемые результаты интеллектуальной деятельности (в соответствии с частью четвертой ГК РФ – интеллектуальные права) должны были бы выступать одним из основных сегментов рынка в инновационной экономике. Однако в отношении абсолютного большинства результатов научно-технической деятельности сегодня такие права не закрепляются: ни открытым способом – через патентование, ни закрытым – через ноу-хау в режиме коммерческой тайны. Сложилась парадоксальная ситуация: в стране, с одной стороны, отсутствует легальный оборот инновационных товаров и интеллектуальной собственности, а с другой – большинство результатов интеллектуальной деятельности, которые в принципе не могут быть объектами рыночных отношений (в соответствии со ст. 129 ГК РФ), все же находятся в обороте – «черном» или «сером».

У нас доля государства в финансировании науки самая высокая в мире, свыше 75 процентов – в ведущих странах пропорция обратная, там столько вкладывает частник. И потому, казалось бы, если уж ты платишь, то и заказывай музыку! Но государство оказывается неэффективным собственником.

– Почему?

– Конечно, одна из причин сложившего положения в том, что бывшая советская система патентования разрушена: из тысяч функционирующих в России предприятий патентно-лицензионные службы есть всего на десятках! Но дело не только в этом. Большая часть сегодняшних госконтрактов вообще даже не содержат норм о закреплении прав на создаваемые результаты интеллектуальной деятельности в ходе исполнения этих госконтрактов.

В инновационных экономиках Запада в научно-технической сфере патентуется до 20% результатов интеллектуальной деятельности и – важно подчеркнуть! – примерно столько же продается, т.е. заключается договоров по лицензированию и отчуждению, если говорить в нашей терминологии. Потому, что патентование, которое осуществляется по всем объектам интеллектуальной собственности – это дорогостоящая процедура, и она осуществляется как коммерческая сделка. У нас же из 260 тысяч патентов, что действует сегодня в Российской Федерации, число патентов, на которые заключены лицензионные и иные договоры продаж – менее 2%, т.е. ничтожно мало.

Южный Федеральный университет – один из лидеров современного федерального строительства в вузах – за последние пять лет получил 260 патентов, причем из них одна треть уже не действует. Хотя срок действия патента – двадцать лет. Спрашивается – для чего тогда патентовали? Для отчета по привлечению новых денег из госбюджета? Выходит, что так: числом полученных патентов просто отчитались перед заказчиком, т.е. государством. И при этом как бы неважно, что по полученным 260 патентам нет ни одного лицензионного договора, ни одного договора отчуждения, ни одной продажи, т.е. коммерческий эффект ноль, хотя происходит великолепный фандрайзинг, т.е. привлечение университетом денег на науку в объеме 3 млрд. рублей, но это, увы, и есть почти весь результат.

Кстати, по данным Минобраунауки, из более чем 700 образованных в вузах малых предприятий, о которых они так бодро рапортовали руководству страны, более 40%, как показали проверки, зарегистрированы с нарушением требований ФЗ - 217, а в полном соответствии с установленными процедурами созданы вообще единицы предприятий.

Теперь обратимся к другой важной стороне мировой практики патентования: патентование национального изобретения за рубежом своей страны. Это дает возможность передовым странам эффективно продавать свои права на территории других государств, как, впрочем, и защищать эти права при их нарушении. Именно так развитыми странами сегодня патентуется каждое четвертое национальное изобретение. Россия же патентует за рубежом лишь каждое шестидесятое свое национальное изобретение, что в 100 раз меньше, чем в США, и в 50 раз меньше, чем в Германии. Ясно: надо безотлагательно восстанавливать систему отбора и патентования российских национальных изобретений за рубежом.

Но есть и еще одно любопытное явление: зарубежные страны активно патентуют свои разработки у нас, в России. Настолько активно, что закономерен вопрос: а действует ли у нас система контроля за передачей российских технологий в другие страны? Увы – такая система отсутствует. За последние пять лет число иностранцев среди обладателей российских патентов выросло в два раза (с 1/6 до 1/3), а в отдельных областях эта доля еще выше. Например, в сфере нанотехнологий только 1 из 10 российских патентов выдан отечественным изобретателям, остальные 9/10 иностранцам. Ситуация парадоксальная. Ведь производство наноматериалов и нанопродуктов объявлено в России приоритетным, соответственно сюда, в том числе в госкорпорацию (теперь ОАО) «Роснанотех», на эти цели выделено около 200 млрд. руб. Однако это производство уже ограждено патентами нанотехнологий, принадлежащих

иностранным компаниям. И, следовательно, с обладателями этих патентов России придется в дальнейшем заключать лицензионные договоры, а иначе (по ст. 1252 ГК РФ) продукция, полученная по тем технологиям, будет признана контрафактной и будет подлежать изъятию, впрочем, как оборудование и сырье, из которого она произведена.

Вот так из-за слабой правовой охраны нашей интеллектуальной собственности происходит ее отток за рубеж, что угрожает России усилением ее технологической зависимости, в том числе, подрывом ее обороноспособности.

– Выходит, надо, во-первых, научить (помочь, создать условия, заинтересовать, заставить и т.д.) российских исследователей оформлять права на результаты своего научно-технического творчества, а, во-вторых, безотлагательно проводить их коммерциализацию. Так?

– Да, но, увы, этого недостаточно. Интеллектуальная собственность, помимо прочего, не находит в России заинтересованного потребителя. Причин у этого явления несколько, но одна из важных причин в том, что деньги на науку распределяются государственными ведомствами, которые имеют слабое отношение к реальному сектору экономики. Изъян заложен, таким образом, в самой системе выделения денег на науку.

Возьмем, в качестве примера, государство Израиль, которое, имея худшие, чем у нашей страны, стартовые условия, двадцать лет назад взяло курс на инновации. Для Израиля, при отсутствии у него природных ресурсов, это был единственный способ развиваться, выходить на международный рынок. И каков результат на сегодня? Там сложилась система, позволяющая стране быть конкурентоспособной, Израиль вытесняет нас с традиционных рынков, в том числе в Индии, где сорок лет мы имели первое место в определенных видах продукции. Да и во многих странах, где десятилетиями мы занимали первое место, мы уходим с завоеванных позиций из-за серьезного отставания в инновационных технологиях.

Почему? Смотрите, в Израиле около 50% всех расходов на прикладные научные исследования в гражданской науке распределяет министерство промышленности и труда. Второй по величине «пирог» из госбюджета на гражданскую прикладную науку распределяет так называемый национальный научный фонд – аналог нашей Академии наук. А министерство науки? Оно занимает лишь четвертую строчку в распределении денег на науку. Таким образом, наглядно видно – кто в этой стране является основным заказчиком прикладных научных исследований: министерство, отвечающее за реальный сектор экономики.

А в нашей стране? Основную часть бюджетных денег – 386 млрд. руб. (по состоянию на прошлый год) – распределяет министерство образования и науки, как мы понимаем – весьма далекое от реальных нужд промышленности. Второй по величине расходный поток на НИОКР идет по линии министерства экономического развития, которое, работая на «макроуровне», тоже весьма в небольшой степени отвечает за реальный сектор экономики. Однако такие министерства как министерство промышленности и торговли, Минэнерго и Минрегион, действительно отвечающие за реальное состояние отечественной промышленности, увы, не оказывают существенного влияния – ни на формирование федеральной программы НИОКР, ни на ее исполнение.

Что же мы получаем? – Госзаказ на научные исследования в интересах модернизации формирует тот, кто имеет слабые представления об этих самых интересах. Грубо говоря, не те распределяют деньги: организовано «освоение» бюджетных средств вместо получения инновационного продукта (я имею в виду, конечно, прежде всего, прикладную науку). Предприятия отстранены от формирования исследовательских программ – вот почему эти программы далеки от реальной жизни, от потребностей экономики.

Формирование исследовательских программ осуществляют чиновники через близкие им структуры – отсюда и «откаты». Федеральная антимонопольная служба, сделав проверку по нашим обращениям, выяснила, что победителями конкурсов признавались те, кто вообще не имел права в них участвовать. Свыше трети выделенных на науку средств до науки не доходит, а уходит на «откаты» чиновникам, распределяющим эти самые миллиарды. Проблема стала настолько острой, что сферу финансирования НИОКР сегодня можно причислять к наиболее коррупциогенным сферам. И ситуация не изменится, пока деньги на исследования будут распределять министерские чиновники, а не те, кому в реальном секторе экономики приходится выдерживать жесткую рыночную конкуренцию.

Соответственно, родились и механизмы, скрывающие «откаты». В частности, поскольку освоение денег на НИОКР производится по показателям, следовательно, показателями становятся некие иные результаты, нежели научные достижения. Минобрнауки и Минэкономразвития уже несколько лет официально навязывает в качестве оценки результативности прикладной науки – публикации, семинары, рейтинг цитирования и т.д. И это в то время, как в инновационных экономиках Запада показателем результативности прикладной науки является число реализованных результатов интеллектуальной деятельности и прав на них: заключенных лицензионных договоров, доля интеллектуальной

собственности в структуре цены инновационной продукции, доля интеллектуальной собственности и ее объем в целом в объеме продаж. У нас же этот естественный показатель результативности поменяли местами с рейтингами цитирования, видимо, для оправдания отсутствия реализации продуктов интеллектуальной собственности и для скрывания «откатного» интереса. Безусловно, этот интерес нужно ломать, и, в первую очередь, через смену механизма финансирования науки.

– Но, может быть, дело и в том, что ученый просто-напросто не умеет коммерциализовать свои результаты?

– Это – верно! Многие помнят, как министр Э.Ш. Набиуллина приводила в качестве примера того, как надо патентовать продукцию, американскую корпорацию IBM, лидера на американском рынке интеллектуальной собственности, которая получает свыше пяти тысяч патентов в год. Представители этой корпорации приезжали к нам в Институт и вот что рассказали. Результаты творчества трех тысяч ученых, что у них работают, оформляют, оценивают и продают в виде интеллектуальной собственности 250 юристов, а также 80 экономистов и менеджеров, профилирующихся в сфере интеллектуальной собственности, т.е. целое специальное подразделение IBM. Результат продаж и коммерциализация прав творчества ученых – \$1,5–2 млрд. ежегодной прибыли компании.

А что у нас? При неостребованности российских научных разработок в интересах модернизации отечественного производства уровень импортных поставок технологий и оборудования вырос до критического уровня во всех базовых отраслях промышленности.

Так, например, из 100 млрд. рублей, выделенных за последние годы в качестве инвестиций в модернизацию промышленности Свердловской области (в основе металлургия и тяжелое машиностроение) 90% ушло за рубеж на приобретение импортных технологий и оборудования. В то же время на территории этой области живет и работает свыше 30 тысяч ученых и исследователей.

Аналогичная ситуация в Санкт-Петербурге, где живет и работает около 200 тысяч научных сотрудников, в т.ч. 55 тысяч докторов и кандидатов наук: больше чем во всей Германии. В то же время значительная часть из 90 млрд. рублей, направленных в 2010 г. на модернизацию местных промышленных предприятий (около 700) также ушло за рубеж. При этом нередко в борьбе за получение такого заказа на поставки иностранные компании идут на коммерческий подкуп и иные виды коррупционных правонарушений.

В Москве число ученых также на порядки больше, а отдача на порядки меньше. Причин несколько: это и не востребованность научно-технических новшеств в производстве, и то, что наши ученые не приучены оформлять права на полученные результаты, которые нужно коммерциализировать, и то, что у нас нет посредников-профессионалов. Хороший ученый не всегда бывает хорошим менеджером, должен быть подготовленный отряд специалистов. Однако заглянем в государственный образовательный стандарт – в нем специализация в сфере интеллектуальной собственности отсутствует и для юристов, и для экономистов, и для менеджеров. При минимальной потребности для России – 50 тыс. специалистов-посредников в сфере интеллектуальной собственности – Российская государственная академия интеллектуальной собственности выпускает всего 150 человек в год. Корпорации обращаются в наш Институт – дайте специалистов! Они – на расхват. Уже по этому факту видно, как мы теряем свои конкурентные преимущества.

– А что у нас на законодательном уровне?

– Нужно писать правила, по которым этот рынок должен действовать. И мы движемся в этом направлении, правда, пока медленно. Скажем, прошло уже десятилетие, как инновационное развитие декларировано в качестве приоритета государственной политики России, однако федерального закона об инновационной деятельности так и не принято. В этих условиях около 60 регионов страны принимают свои законы, которые нередко противоречат друг другу. Можно ли построить единый рынок, если правила в каждом регионе будут разные?

Даже с введением в действие четвертой части Гражданского кодекса по-прежнему остались проблемы и появились новые. Например, недостаточно закреплены права авторства на ноу-хау (глава 75 ГК РФ), т.е. в этом, относительно новом для России институте интеллектуальной собственности, баланс интересов заказчика, исполнителя и автора законом пока не обеспечен. А ведь инвестор задает первый вопрос: кому принадлежит научная разработка? Вкладывая деньги в ее реализацию, он хочет иметь дело с абсолютно легитимным собственником. Вот это-то и удивительно: государство, финансируя три четверти всех НИОКР в стране, не стремится закрепить права за собой (в лице госзаказчиков) и не создает условия по закреплению прав для исполнителей. Из 48 госзаказчиков только около 30 участвуют в госреестре интеллектуальной собственности.

Нет четкого понимания и критериев разделения произведений науки от литературных произведений как объектов интеллектуальной собственности, хотя

это имеет принципиальное значение для ученых. В произведениях законом охраняется объективная форма, тогда как для науки важно именно содержание. Поэтому наш Институт инициировал включение в программу национальной стандартизации на 2011 год разработку проектов трех национальных стандартов в этой сфере: термины и определения, научные открытия и научные произведения. Сейчас их разработка идет в РНИИС по госконтракту с Росстандартом. Недавно национальный технический комитет по стандартизации (ТК-481) одобрил концепции этих проектов для дальнейшей работы. РНИИС, кстати, в целях более эффективной охраны интересов отечественных ученых принял решение о депонировании научных открытий и научных произведений.

Нет у нас и единой государственной политики (не путать с ведомственной), объединяющей усилия власти и бизнеса, т.е. управление инновационным процессом рассредоточено. Более 80 федеральных ведомств распределяют бюджетные деньги на науку, 23 ведомства имеют в своей компетенции прямые функции по интеллектуальной собственности, 12 федеральных органов власти отвечают за защиту прав на полученные результаты и 3 координируют их взаимодействие. Словом, необходима система с единым центром координации, на которую должно быть возложено решение всего круга вопросов в этой сфере.

Крайне остро также стоит вопрос защиты интеллектуальной собственности. Сегодня же у нас по-прежнему лишь единичными являются случаи, когда судами выносятся приговоры за нарушение патентных прав, за нарушение прав на ноу-хау, охраняемые в режиме коммерческой тайны (ст. 183 УК РФ), что, конечно же, не отражает реальной ситуации.

Нужна система, работающая по единым, понятным и прозрачным правилам и имеющая единый центр координации.

– Есть ли нечто, что вселяет оптимизм?

– Есть. Например, то, как энергично на региональном уровне в республике Татарстан реализуется курс на формировании рынка интеллектуальной собственности. Посмотрите по срокам: 2009 год – Президент России ставит задачу построения цивилизованного рынка интеллектуальной собственности для инновационного развития, 2010 год – президент Татарстана в послании парламенту и правительству ставит задачу формирования такой программы на региональном уровне, 2011 год – в республике приступают к разработке и реализации долгосрочной целевой программы развития регионального рынка

интеллектуальной собственности, чтобы до 2020 года достичь мировых показателей по рынку интеллектуальной собственности.

– Амбициозная задача!

– Но она – выполнима! И опыт нашего Института подтверждает это. С использованием разработанных у нас технологий только за последние два года мы в России помогли оценить и продать российской интеллектуальной собственности отечественных предприятий, корпораций и организаций на сумму около 2 миллиардов рублей – столько в России никто никогда не продавал.

В России такие успешные примеры являются пока единичными, что зачастую определяется уровнем компетентности руководителей корпораций и предприятий. Так, в корпорации «Уралвагозавод» интеллектуальная собственность работает и как механизм создания добавочной стоимости при росте продаж интеллектуальной собственности за последние три года (в структуре цены инновационной продукции – до 10%), и как средство капитализации активов (на начало 2011г. – нематериальные активы корпорации составили более 4 млрд. рублей – лидер в России), и как инвестиционный ресурс под обеспечение этих активов. Другим примером может служить международный проект «Сухой – Суперджет 100», где России изначально отводилась роль места сборки самолета из иностранных комплектующих. Однако мы и здесь сумели найти, оформить, оценить и внести в уставный капитал российскую интеллектуальную собственность, доказав, что Россия была, есть и будет страной гениальных людей, и у нас есть чем торговать кроме сырья.

Сегодня на базе наших прежних региональных центров интеллектуальной собственности совместно с ведущими федеральными университетами, научными центрами, корпорациями создана широкая сеть региональных центров интеллектуальной собственности от Северо-Восточного (в Магадане) до Южного (в Ростове-на-Дону), которые с октября 2011 г. объединились в первую в России корпорацию интеллектуальной собственности РНИИС. Деятельность корпорации и региональных центров опирается на признанные технологии управления интеллектуальной собственности, разработанные нашими специалистами. Наша общая задача – от этих разовых фрагментов рынка интеллектуальной собственности перейти на поточный метод.

Это понимание зреет и на региональном уровне, и на отраслевом – среди наших министров. Но, к сожалению, на уровне их ведомств – пока очень медленно. Тем не менее, и это также происходит. И яркий пример – создание первого в стране отраслевого технико-внедренческого центра модернизации двух базовых отраслей

промышленности – металлургии и тяжелого машиностроения в Екатеринбурге. Объединились несколько заинтересованных сторон – Научный совет по металлургии и металловедению Академии наук (председатель – академик Леопольд Игоревич Леонтьев), наш Институт, ряд вузов Среднего Урала, и вместе с правительством Свердловской области разработали концепцию объединения вузовской, академической и прикладной науки в интересах модернизации данных отраслей. Вице-премьер И.И. Сечин написал резолюцию пяти федеральным министрам о необходимости реализации этой программы в краткие сроки.

Иными словами, процесс медленно, но, все-таки, идет вперед. И это, в частности, отмечено на III Международном Форуме «Инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности», который прошел в Москве в апреле сего года.

– Назовите вкратце его итоги, значение.

– Форум, образно говоря, провел мониторинг состояния правовых и экономических отношений в области интеллектуальной деятельности, влияющих на развитие предпринимательства. Ученые, специалисты, бизнесмены в более чем тридцати докладах поставили ряд серьезных проблем, предложили пути их решения, сформулировали рекомендации для органов власти, науки и бизнеса. Круг затронутых вопросов широк: это программы подготовки инновационных кадров; разработка проектов, по которым рынок должен существовать и функционировать; создание механизмов частно-государственного партнерства – как на национальном, так и на международном уровне; развитие деловых контактов в коммерческом обороте интеллектуальной собственности. Представители стран Европейского Союза и СНГ обсуждали становление центров управления интеллектуальной собственностью в рамках проекта Европейской Комиссии. Следующий, IV Форум, пройдет 26 апреля следующего года, приглашаем к участию в нем, с условиями участия можно ознакомиться на сайте Дирекции Форума – РНИИИС (www.rniis.ru).

– Не осталось ли обсуждение на Форуме кулуарным, дошло ли оно до общественности?

– Рекомендации наших Форумов доходят и до широких кругов специалистов и бизнеса, и до верхнего политического уровня. И это наглядно видно по тому, как формулируются декларации о стратегических приоритетах. Взять, например, формулу: «инновационное развитие через рынок интеллектуальной собственности». Еще каких-то три года назад в руководстве нашей страны такое словосочетание не произносилось, говорились совершенно иные слова – что нужна «экономика знаний» и т.д.

Мы очень богатая страна и пока, к сожалению, пытаемся одарить нашими идеями весь мир. Это – неправильно! Для того, чтобы умные были богатыми, нужно, чтобы заработал рыночный механизм охраны, использования и защиты прав на продукты интеллектуального творчества. И он, надеюсь, в скором времени заработает в полную силу, так что из России уезжать не надо, в России нужно жить и работать.

Декабрь 2011 г.

Беседовал **Сергей Шаракшанэ**

E-mail: sash_50@mail.ru

Сайт: <http://sergey-sharakshane.narod.ru>